PG 3467
.M7 P4
v. 1
Copy 1

MIVAEV

ПЕРЕПѢВЫ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ОБЛИЧИТЕЛЬНАГО ПОЭТА.

Выпускъ 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class PGR 1746

Book P

YUDIN COLLECTION

Pinaev, Dmitrii Dmitrievich

ПЕРЕПѢВЫ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ОБЛИЧИТЕЛЬНАГО ПОЭТА.

Выпускъ 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Д. И. Калиновскаго.

1859.

PG3467
M7P4
вып. 1

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ С.-Петербургъ 26 Ноября 1859 года.

Цензоръ *М. Новосильскій.*

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Издавая стихотворенія Обличительнаго поэта, я считаю нужнымъ сказать два-три объяснительные слова по этому поводу.

Автора представляемыхъ здѣсь стихотвореній я знаю уже очень давно и очень коротко. Долго слѣдя за развитіемъ его характера, склонностей и привычекъ, я наконецъ началъ приходить къ тому грустному убѣжденію, что онъ принадлежитъ къ коллекціи замѣчательныхъ субъектовъ доктора Крупова. Стихоманія—это пунктъ его помѣшательства; онъ убѣжденъ, что у него замѣчательный талантъ; что цѣлая фаланга русскихъ поэтовъ беретъ себѣ за образцы его произведенія. Въ каждомъ чужомъ стихотвореніи онъ видитъ свое собственное, только передѣланное: туже мысль, туже форму. Однажды, въ припадкѣ подобнаго обличенія Обличительный поэтъ, чуть не выскочилъ въ окно, одного изъ самыхъ большихъ домовъ Петербурга. Это меня уже окончательно увѣрило въ томъ, что его мозгъ находится не въ нормальномъ состояніи.

Но одинъ случай все перевернулъ вверхъ дномъ и совершенно сбилъ меня столку.

Перечитывая недавно русскіе журналы послѣднихъ годовъ, я былъ пораженъ фразой, одного изъ талантливыхъ

поэтовъ нашего времени. «Тотъ смѣло можетъ назватся поэтомъ», говоритъ онъ, «кто въ минуту поэтическаго увлеченія способенъ бросится внизъ головой изъ четвертаго этажа.»

И вспомнился мнѣ тогда бѣдный, Обличительный поэтъ съ его паѳосомъ, стихами и бѣснованіями, вспомнилось, что и онъ мнѣ пѣлъ когда-то:

Не корысть въ комъ и продажа,
Правятъ творческой душой,
Тотъ въ лирическомъ куражѣ,
Изъ четвертаго этажа,
Внизъ поскачетъ головой,

и я сильно задумался.

Считая себя самымъ плохимъ цѣнителемъ поэтическихъ произведеній и владѣя въ настоящее время рукописями Обличительнаго поэта я рѣшился издать его стихотворенія, чтобы общественнымъ судомъ рѣшить—правъ или не правъ писатель, допускающій поэтическій талантъ только въ тѣхъ личностяхъ, которыя вверхъ ногами бросаются изъ четвертаго этажа на улицу?

I.

(ИЗЪ РИМСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ).

Грѐзится небо мнѣ Рима,
Очерки стѣнъ Колизея;
Тучки проносятся мимо,
Въ воздухѣ тая и млѣя.

Грезится площадь мнѣ Марка,
Стройныя храма колонны....
Грезится—будто кухарка
Ставитъ на столъ макароны.

II.

Я ЧЕЛОВѢКЪ!

Я исполненъ одною гордыней,
И священною силой призванья,
Дорожу я одною святыней,
Что ношу человѣка сознанье.

Въ этомъ правѣ есть сила Титана,
То награда святая природы,
Всего міра носить въ себѣ раны
И въ себѣ уважать всѣ народы.

Человѣкомъ зовуся я братья,
Я слезамъ и волненіямъ вѣка
Откликаюся воплемъ участья,
Отвѣчаю слезой человѣка.

Все что души мутитъ и волнуетъ
И во мнѣ отражается ярко,
Вмѣстѣ съ міромъ мой умъ негодуетъ,
Вмѣстѣ съ братьями плачу я жарко.

III.

Я подъ тѣнью склонился березы,
А вокругъ меня степи родныя,
И приснились мнѣ странныя грезы,
И приснились мнѣ сны золотые.

Вотъ какъ, будто бы, небо другое,
Просвѣтленные встрѣтили взоры,
У меня на груди Автоноя
Отдыхаетъ въ тѣни сикоморы.

Все полнó и любви и отрады,
Ночь спускается южная, млѣя,
Надъ садами роскошной Эллады,
И колышется море Эгея.

Вижу блескъ въ небесахъ Оріона,
Вижу искры волосъ Береники,
А вблизи, межъ колоннъ Парѳенона
Разростается бить павилики.

И трепещатъ листы сикоморы,
И полна сладострастья и зноя,
Меня манитъ въ цвѣтущія горы,
Меня кличетъ съ собой Автоноя.

Но исчезли волшебныя грезы,
Сна распались мгновенныя цѣпи
И опять я лежу у березы,
А вокругъ меня русскія степи.

IV.

FORTUNATA.

Для чего тутъ размышленья?
Мысль—немногихъ чудный даръ.
Послѣ пляски, опьяненья,
Подъ аккордъ двухъ—трехъ гитаръ,
Мнѣ отдай безъ сожалѣнья
Поцалуя первый жаръ.

Полно думать, медлить, Нанна!
Что тутъ медлить, что тутъ ждать?
Свѣжъ мой одръ благоуханный;
Спитъ отецъ; уснула мать;
Но не спитъ твой другъ желанный:
Мнѣ клопы мѣшаютъ спать.

V.

РАЗГУЛЪ.

Говоръ; рюмокъ дребезжанье;
Скрипки визгъ и вой;
Женскій смѣхъ и звукъ лобзанья;
Маятника бой;
Пиръ; вакхическія рѣчи—
Рѣчи безъ конца...
Рядъ бутылокъ; пробки, свѣчи;
Кони у крыльца...
Брудершафтъ, безсвязный шопотъ,
Все вокругъ темно́...
И объятія, и ропотъ—
И пьяно—пьяно́...

VI.

ПРОСЬБА ХУДОЖНИКА.

О, не стыдись, не бойся, не краснѣй
Передо мной въ изорванномъ бурнусѣ:
Ты мнѣ мила, хоть будь въ сто разъ бѣднѣй,
Ходи пѣшкомъ весь вѣкъ, иль ѣзди въ омнибусѣ.

Боишься-ль ты, что въ рубищѣ твоемъ
Твоя краса померкнетъ на мгновенье?
О, нѣтъ, дитя! Молю я объ одномъ—
Услышь художника горячее моленье:

Полна невинности, явись ты предо мной
Безъ платья, безъ убранствъ, безъ узкаго корсета,
Какъ вышла нѣкогда богиня, неодѣта,
Изъ пѣны волнъ, блистая наготой.

VII.

Знаю я, что въ вихрѣ бала,
Въ блескѣ пышной суеты.
Лучше всѣхъ, моя малютка,
Обольстить умѣешь ты.
И безъ пышныхъ кринолиновъ,
Ожерелій, жемчуговъ,
Ты зажечь съумѣешь въ каждомъ
И желанье и любовь.
Бриллиянты въ фермуарахъ,
Бриллiанты на серьгахъ,
Бриллiанты въ эполетахъ,
Бриллiанты на перстняхъ....
Но въ аллеѣ темной, длинной,
Въ бѣлой блузочкѣ своей.
Ты, прекрасное созданье,
Всѣхъ на свѣтѣ мнѣ милѣй!

VIII.

AMOROSO.

Выходи ко мнѣ, сеньора!
Зной полуденный опалъ:
Выходи, пока дозора
Часъ урочный не насталъ.

Я въ гондолѣ полутемной;
Гондольеръ и нѣмъ и глухъ;
Поцалуя звукъ нескромный
Не встревожитъ чуждый слухъ.

Тамъ, подъ плескъ волны жемчужной,
Подъ лобзанье вѣтерка,
Мы надъ старостью недужной
Посмѣемся старика.

Чу! вотъ голосъ, голосъ Лары....
Шопотъ .... въ окнахъ гаснетъ свѣтъ . .
Полуночный звукъ гитары . . .
Что, ревнивецъ спитъ иль нѣтъ?

Ты со мной въ мантильѣ, въ маскѣ,
Ты, какъ тѣнь, скользишь съ крыльца;
Мы одни—и нашей ласкѣ,—
Поцалую нѣтъ конца.

IX.

Ѣдемъ мы лѣсомъ, песками сыпучими;
Солнышка близокъ закатъ;
Сосны вокругъ насъ иглами колючими,
Какъ исполины грозятъ.

Пѣсню ямщикъ затянулъ, нашъ унылую....
Камень, песокъ да сосна ...
Такъ бы все плакалъ подъ пѣсню тоскливую:
Родиной вѣетъ она.

X.

И вотъ предъ свѣжею могилой,
Стоитъ толпа...изъ чьихъ-то глазъ,
На черный гробъ съ любовной силой
Бѣжитъ слеза въ послѣдній разъ.
Народъ молчитъ, и тупо, вяло,
На гробъ бросаетъ горсть земли...
Вотъ промелькнуло покрывало;
Рыданье чье то задрожало.
Вотъ склепъ ... зарытъ...всѣ прочь пошли...
Обратно поѣздъ погребальный,
Пустился въ путь...толпа бѣжитъ,
И на извощикѣ квартальный
Домой озлобленно спѣшитъ.
А небо съ той же чистотою
Сіяетъ яркой синевой,
И птицы дружною семьею,
Поютъ про счастье надъ землей.

XI.

ОТЪ ЧЕГО?

Отъ чего зимой морозно,
И несносно жарко лѣтомъ?
Отъ того-что лихоимство
Овладѣло цѣлымъ свѣтомъ.

Отъ чего клопы кусаютъ
Больше прежняго въ трактирѣ?
Отъ того, что правды меньше
Годъ отъ году стало въ мірѣ.

Отъ чего у насъ газеты
Стали такъ недолговѣчны?
Отъ того, что къ нашимъ братьямъ,
Мы еще безчеловѣчны.

Отъ чего извощикъ таксы
Знать не хочетъ, и ругаетъ?
Отъ того, что и по слуху,
Космосъ Гумбольдта не знаетъ.

Отъ чего у насъ квартиры
Съ каждымъ годомъ дорожаютъ,
И мои стихотворенья,
На Руси не раскупаютъ?

Отъ чего у насъ «коляскамъ»,
Посвящаютъ мадригалы
И на лекціяхъ публичныхъ
Постоянно пусты залы?

Отъ чего, на нашемъ платьѣ,
Часто пестрыя заплатки?
Отъ чего чиновникъ слова
Не напишетъ намъ безъ взятки?

Отъ чего? на всѣ вопросы,
Не дождемся мы отвѣтовъ,
Потому что нынѣчѣ мало,
Обличительныхъ поэтовъ.

XII.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Съ нею встрѣтились мы у забора;
Ночь была холодна и темна;
Я былъ полонъ любви и задора;
Заливалась слезами она.

И мы долго такъ вмѣстѣ стояли,
Простояли-бъ и долѣе такъ,
Если бъ въ часть насъ обоихъ не взяли,
Какъ ночныхъ, безпріютныхъ бродягъ.

XIII.

Говорятъ—беру я взятки,
Говорятъ—поступки гадки,
Что мошенникъ я,
Говорятъ! .... Кругомъ нападки—
Богъ имъ въ томъ судья.

Онъ воришка—восклицаютъ,
Онъ мошенникъ—утверждаютъ,
Боже, Боже мой!
Эти люди знать не незнаютъ,
Что карманъ съ дырой.

Рисовалъ бы—не умѣю,
Сочинялъ бы—да робѣю—
Гдѣ мнѣ сочинять?
Да и взятки не съумѣю,
Не по чину взять.

XIV.

Звѣзды на нёбѣ вечернемъ;
Робкій волнуется умъ....
Волны на морѣ, и думы—
Много мучительныхъ думъ.
Пьянство ночное въ трактирѣ,
Рѣзкій вакхическій шумъ;
Звѣзды и волны и думы—
Хоръ возрастающихъ думъ.

XV.

ВЪ АЛЬБОМЪ РУССКОЙ БАРЫНѢ.

Я люблю тебя во всемъ:
. . . . . .
Въ бальномъ, газовомъ нарядѣ,
Въ морѣ кружевъ, блондъ и розъ,
Въ дымной кухнѣ, на эстрадѣ,
Въ циркѣ, шумномъ маскарадѣ,
Въ зной и холодъ и морозъ.
За клавишами рояля,
За тарелкой жирныхъ щей,
За романами Феваля,
Дома, въ людяхъ, межъ гостей.
Въ каждомъ звукѣ, въ каждомъ взорѣ,
Въ яркой розсыпи рѣчей,
Въ спорѣ важномъ, миломъ вздорѣ
О погодѣ, объ узорѣ,
Объ игрѣ безъ козырей.
Въ преферансѣ, танцѣ, пляскѣ,
Въ дракѣ съ дѣвкой крѣпостной,
Въ морѣ слезъ, въ потокахъ ласки,
Въ сарафанѣ, и повязкѣ,
Ты всесильна надо мной.

XVI.

ЕВРЕЙСКО-РУССКАЯ МЕЛОДІЯ.

Приходи, моя желанная!
Ночь темна благоуханная,
Люди спятъ, лишь мы съ тобой мой другъ, не спимъ.

Только звѣзды разгораются,
Только страстно заливаются,
Соловьи въ саду....мы млѣемъ и дрожимъ.

Ты со мною подъ темной ложницею;
Вкругъ куренья несутся волнами,
За лобзанье—плачу я сторицею,
И молю чтобы утро денницею
Заиграло позднѣе надъ нами.

О, забудь же салоны гвардейскіе,
И гвардейца того молодаго,
Что шепталъ тебѣ рѣчи злодѣйскія:
Я спою тебѣ пѣсни еврейскія,
По еврейски незная ни слова.

XVII.

НѢТЪ, ТЫ НЕ ГАЗЕТА!

Какъ, газета, ты
Домъ себѣ купила?
Ты свои листы,
Всюду распустила?

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,
Нѣтъ, ты не газета!
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,
Бросимъ имя это.

За печатный листъ
Платишь по полтинѣ,—
И встрѣчаетъ свистъ
Бѣдную отнынѣ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,
Нѣтъ, ты не газета!
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,
Бросимъ имя это!

Фразъ гремучихъ звонъ;
Фактъ—какой попался;
А ужь фельетонъ
Вовсе *загулялся.*

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,
Нѣтъ ты не газета!
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,
Бросимъ имя это!

Какъ дитя проста,
Лучше бъ ты смирилась,
И была бъ чиста....
Если бъ прекратилась.

Нѣтъ нѣтъ нѣтъ,
Нѣтъ, ты не газета!
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,
Бросимъ имя это!

Но старикъ не спалъ,
И безъ замедленья,
О тебѣ послалъ
Вновь онъ объявленья.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,
Нѣтъ- ты не газета!
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,
Бросимъ имя это!

XVIII.

ПРИЗРАКИ.

Вечеръ. Свѣчка нагорѣла
Въ очи вѣетъ сонный макъ,
И волною дыма бѣлой
Ходитъ въ комнатѣ табакъ.

Только слышны за лежанкой
Пѣсня звонкая сверчка,
Да въ прихожей, спозаранку,
Храпъ протяжный казачка.

Грустно! книги надоѣли,
Скученъ старый фоліантъ,
Пѣтухи давно пропѣли,
Мѣсяцъ хочетъ на закатъ.

Я дремлю; мой взоръ, блуждая,
Тѣни ловитъ по стѣнѣ,
Чей—то голосъ ожидаю,
Я услышать въ тишинѣ.

Вотъ кудрявая головка
Будто шлетъ мнѣ свой привѣтъ,
Улыбается, плутовка,
Что—то на ухо поетъ.

Губки сладкій, безмятежный,
Обѣщаютъ поцалуй,
Вотъ, какъ будто, шепчутъ нѣжно:
—Поскорѣй свѣчу задуй!

Мигъ—и я съ мечтой простился,
Милый призракъ отлетѣлъ,
Только вѣтеръ въ полѣ злился,
Только дождь въ окно шумѣлъ.

Та же комната, та—жь свѣчка,
Тускло свѣтитъ на столѣ,
И сверчекъ поетъ за печкой,
Заливаясь въ тишинѣ.

XIX.

Мысль мнѣ, мысль! Владѣя словомъ,
Риѳмой, музыкой рѣчей,
Я съ стихомъ своимъ громовымъ,
Искрометнымъ, бойкимъ, новымъ
Пронесусь между людей.
Дайте мысль, мнѣ мысль любую,
О прогрессѣ, объ очахъ,—
Волканическую, злую,
Затяну вамъ пѣснь живую,
Съ пышной рѣчью въ завиткахъ.
Буду млѣть надъ стеблемъ розы,
Жарко, въ паѳосѣ святомъ,
Лить серебрянныя слезы
И въ крещенскіе морозы
Заливаться соловьемъ.
Я чело земнаго шара,
Обовью вокругъ косой,
И шалѣя отъ угара
Поэтическаго жара,
Захлестну весь міръ волной.
Адъ—найду въ блаженствѣ счастья,
. . . . . .

Гибель—въ мукахъ сладострастья,
Громъ—средь мертвой тишины.
Изъ старухи безобразной,
Красату толпѣ создамъ
И какъ жизнь, разнообразный,
Стихъ граненый и алмазный
Въ удивленье брошу вамъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

XX.

(ИЗЪ АЛКЕЯ).

1.

Если бъ я былъ палка—палка тростниковая,
Какъ у львовъ столицы пышныхъ и торжественныхъ,
Не одну бы музу прогнала, суровая,
Изъ садовъ божественныхъ.
Если бъ я Пегасомъ былъ—въ волны Леты сонныя,
Полетѣли бъ дружно всѣ поэты тучные,
И однѣ гремѣли—бъ, славой окрыленныя,
Мои пѣсни звучныя.

2.

Вы плачете, друзья! смущаютъ васъ долги;
Недѣлю цѣлую не топлена квартира...
Къ чему жь печаль и скорбь? къ чему вы такъ строги,
Къ себѣ и совѣсти? зачѣмъ глядите сиро?
Васъ гонитъ рокъ—пусть такъ, но берегъ есть иной,
Иной есть выходъ намъ, и ты, о полнивная,
Излечишь нашу скорбь струей вина хмѣльной,
И грезы чудныя навѣешь, охмѣляя.

XXI.

«Свѣтъ не безъ добрыхъ людей»!
Буду журналъ издавать,
Стану статьи собирать:
Много дешевыхъ статей!
Если жь, сотрудникъ, скорѣй,
Деньги попроситъ отдать:
«Свѣтъ не безъ добрыхъ людей!»

«Свѣтъ не безъ добрыхъ людей!»
Тотчасъ подписку открылъ,
Въ ходъ всѣ пружины пустилъ,
Дѣло чтобъ было вѣрнѣй:
Вскорѣ шесть тысячъ рублей
Съ разныхъ концевъ получилъ,
«Свѣтъ не безъ добрыхъ людей!»

«Свѣтъ не безъ добрыхъ людей!»
Требуютъ деньги кругомъ;
Цѣлыя сутки гуртомъ,
Гости звонятъ у дверей:
—Дайте намъ денегъ скорѣй!
Я—жь говорю имъ потомъ,
«Свѣтъ не безъ добрыхъ людей!»

XXII.

НА ЗОРѢ.

День погаснулъ, догарая,
Опустилась тѣнь ночная;
Птицъ лѣсныхъ не слышенъ голосъ;
Не качаясь, дремлетъ колосъ;
Только съ крикомъ изъ опушки
Вышли въ поле двѣ лягушки.

Ночь весенняя темнѣетъ,
И коймой зоря алѣетъ;
Уловить лишь можно взглядомъ,
Какъ двѣ бабы, лежа рядомъ,
Подъ вѣтвями стройной ели,
Неподвижныя, чернѣли.

XXIII.

ПѢСНЯ.

Пусть моя пѣсня смутна и темна,
Но за то ей душа отзывается,
Неуловимая, будто волна,
Она звуками вся разсыпается.

Все въ ней—и слезы и муки любви,
И укоръ и мольбы откликаются...
Но не умомъ понять пѣсни мои,—
Вѣщимъ сердцемъ онѣ, понимаются.

XXIV.

ИЗЪ ГЕЙНЕ—ЗНАМЕНСКОЙ УЛИЦЫ.

ВАРЯ.

Она была ростомъ мала,
И кроткій характеръ имѣла,
Такой,—что безъ спросу, дитя,
Любить никого не посмѣла.

Она съ своей теткой жила,
Та—слова не скажетъ безъ брани;
Имѣли квартиру они,
Въ томъ домѣ, гдѣ невскія бани.

Я Варю любилъ *безъ ума*,
Поэтому—чуть не женился,
Но къ счастію этой порой,
Я мѣста случайно лишился.

И чинъ былъ притомъ не великъ,
Она жъ была дочь генерала;
Зотопала тетка ногой,
И Варя любить перестала.

Съ тѣхъ поръ не видался я съ ней,
Она, говорятъ, пополнѣла,
И музыкѣ учитъ дѣтѣй:
Нашла наконецъ себѣ дѣло.

Я память ее не кляну,
Ее не предамъ желчной брани,
Но только вздыхаю всегда,
Когда прохожу мимо бани.

XXV.

СМЕРТНОМУ.

Смолкни, больнòй и мятежный
Смертный! нѣтъ больше страданья!
Міръ предъ тобою безбрежный,—
Вѣчная жизнь мірозданья.
Ты въ оркестрѣ міровъ,
Свѣтомъ ихъ залитой, освященный,
Міровую любовь
И свободы глаголъ вдохновенный,
Обретешь, человѣкъ!
Такъ оставь же борьбѣ обреченный
И въ враждѣ истлѣвающій вѣкъ.
Выйди ты въ поле широкое,
Лягъ на грядѣ огорода,—
Горе забудешь глубокое!
Небо стоокое,
Звѣзды полночнаго свода,
Чувство навѣютъ глубокое!
Ты—и природа!
Звѣзды считай неба южнаго,

Слушай, какъ змѣи шипятъ,
Слушай, что волны жемчужныя,
Въ морѣ съ волной говорятъ.
Пусть въ тебя гады впиваются,
Кровь твою пьютъ комары,
Змѣи вкругъ ногъ обвиваются—
Слушай! вотъ хоръ: то спѣваются
Въ гимнѣ вселенной міры.—

XXVI.

НАДЪ ПРАХОМЪ »ВСЯКОЙ ВСЯЧИНЫ«.

Склонясь надъ мраморной плитою,
Сидитъ онъ мрачный и сѣдой
И чтитъ прощальною слезою
Прахъ друга хладный и нѣмой.—
На грудь скрестилъ печально руки,
И какъ всегда,—и въ этотъ разъ—
Онъ оторвать не можетъ глазъ
Отъ милыхъ буквъ: Ѳ и Б.

XXVII.

ПОЭТУ—ИЛЬѢ МУРОМЦУ.

Тридцать лѣтъ не молвилъ слова
И сидѣлъ онъ безъ движенья,—
Но слетѣло вдохновенье
Вдругъ на юношу сѣдова,
И—пошли стихотворенья.

XXVIII.

ВИЗАНТІЙСКОМУ КРИТИКУ.

Въ цѣлый листъ онъ мысль разводитъ,—
И—въ статьяхъ большихъ—большихъ
Не идеи онъ *проводитъ*,
А читателей своихъ.

XXIX.

КЪ ЖУРНАЛУ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНО-МИСТИКО-ЧЕРНОКНИЖНО-КАБАЛИСТИКО-ИЛЛЮСТРИРОВАННОМУ.

Корректоръ думалъ вашъ о чемъ?
Журналъ взять въ руки—просто гадко:
У васъ въ названіи самомъ
Въ одной согласной опечатка.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Изъ Римскихъ воспоминаній	1.
Я человѣкъ!	2.
Я подъ тѣнью склонился березы	3.
Fortunata	5.
Разгулъ	6.
Просьба художника	7.
Знаю я, что въ вихрѣ бала	8.
Amoroso	9.
Ѣдемъ мы лѣсомъ	11.
И вотъ предъ свѣжею могилой	12.
Отъ чего?	13.
Изъ Гейне	15.
Говорятъ—беру я взятки	16.
Звѣзды на небѣ вечернемъ	17.
Въ Альбомъ Русской барынѣ	18.
Еврейско-Русская мелодія	19.
Нѣтъ, ты не газета!	20.
Призраки	22.
Мысль мнѣ, мысль!	24.
(Изъ Алкея) 1—2	26.
«Свѣтъ не безъ добрыхъ людей»!	27.
На зарѣ	28.
Пѣсня	29.

Стран.
Изъ Гейне—Знаменской улицы . . . . . 30.
Смертному . . . . . 32.
Надъ прахомъ «всякой всячины» . . . . . 34.
Поэту Ильѣ Муромцу . . . . . 35.
Византійскому Критику . . . . . 36.
Къ Журналу Учено-Литературно-Мистико-Чернокнижно-Кабалистико-Иллюстрированному . , . . , . . 37.

Цѣна 50 коп.

LIBRARY OF CONGRESS
00024216111